

Часть 1

* * *

...Бойцы продолжали говорить тихо. Друг друга не перебивали. В голосах их слышалась тоска по дому и семьям. Олегу не хотелось шевелиться, мешать тем, кого он привык чаще видеть хмурыми и молчаливыми, обремененными тяготами и лишениями. Пусть говорят. Сердце солдата не камень.

Олег думал о Наде. Они не виделись с того дня, когда расстались на просеке. Иногда ему приходили в голову просто шальные мысли. Он представлял себя раненым, лежащим в постели. Надя сидела возле него. Он брал ее сильные маленькие руки и долго держал в своих огрубевших. Она понимала его без слов...

Так уж устроен человек, что в надеждах и мечтах всегда опережает жизнь. Он еще боится признаться себе в чем-то, а мечты его разжигают, пьянят, будоражат. Не раз за последнее время Олег ловил себя на мысли о том, что все чаще и чаще начинает рисовать себе живого, хотя и не существующего еще своего ребенка. С синими, как у Нади, глазами и белыми кудряшками... Отец Олега погиб в двадцать первом от пули бандита в Забайкалье, но он продолжает жить в сыне. А вот если погибнет Олег, то исчезнет не только он сам...

Страшно хочется жить!

Он услышал голос Романова, пристальней всмотрелся в глубокие морщины на смуглом лице бойца, в его глаза, наполненные сдержанной теплотой, всмотрелся в синий шрам на щеке и в складки рта, которых коснулась едва заметная улыбка...

— ...А у нас деревня на косогоре стоит, за деревней березняк. Домики белыми ставнями в речку смотрятся. Не наглядисься! — Романов вздохнул.

И Курганову стало отрадно, что рядом такие люди, как Галков, Третьяков, Романов, Хаво... Люди, которых он раньше не знал, а верить в них научился уже на войне. Друзья!

Часть 2

* * *

Вначале враг отходил медленно, цепляясь за каждую пядь земли, пытаясь подвижными резервами затыкать все новые бреши в обороне, и наконец покатился, теряя десятки населенных пунктов.

С первыми сумерками батальон капитана Малышева преследовал противника по пятам. В сторону фронта шли пехота и танки, артиллерия и бронетранспортеры, повозки и санитарные машины.

Но Малышев вынужден был остановить батальон и занять круговую оборону. Его истребительный противотанковый дивизион, рота саперов и взвод разведроты, находясь в авангарде дивизии, сильно оторвались от своих.

Село казалось глухонемым, с мертвыми улицами. Немцы угнали жителей.

В школе пахло порохом, хлоркой, чужим табаком. Командный пункт батальона, саперы и разведчики разместились в пустующих комнатах, где были когда-то классы, а с приходом немцев — комендатура. Малышев, пытаясь связаться по радио с полком и дивизией, ругал радистов, поспешно отдавал в роты распоряжения по телефону и через связных.

Олег и Сокольников вышли на открытую веранду и прислушались к звукам ночи. Гул батареи доносился со всех сторон. На севере горела деревня. Плескалось по небу зарево. Куклин и Рябкин, обнаружив в селе брошенную немцами повозку продуктов и полевую кухню, уже кашеварили. Но Куклин не ограничился этим. Он тщательно исследовал догоравшую санитарную машину, заглянул в сараи и кладовые, а потом в дома, что были расположены вокруг школы.

Через дорогу от школы находилось здание бывшей сельской больницы. Дверь была на замке. Попытавшись проникнуть внутрь через окно, старшина к своему

удивлению почувствовал, как оно легко раскрылось. Взобравшись на подоконник, при тусклом свете зажигалки он увидел белые длинные столы, заставленные колбами и медицинскими приборами. Со стены напротив из золоченой рамки на него зло смотрел Гитлер. Куклин грузно подпрыгнул, сорвал портрет, бросил на пол, продавил его каблуками сапог и в раздумье вышел. «Что за дьявольщина? — думал он. — Надо будет пригласить сюда доктора или начима».

Но первым, кого он встретил, был Бор. Куклин обрадовался. Он знал, что Бор в занятых немецких блиндажах собирает газеты, письма, листовки и документы.

Куклин потащил Бора за собой, помог влезть в окно, а сам закурил и стал нетерпеливо расхаживать под окнами. То и дело до него доносились хлопанье дверей шкафов, звон и бой стеклянной посуды...

В просвете облаков появилась луна, залила все зябким светом, и Бор предстал перед Куклиным. Немец был бледным до желтизны, руки его тряслись, пилотка осталась в доме, очки сползли на кончик носа и, казалось, вот-вот свалятся, редкие скатавшиеся волосы беспорядочно торчали в разные стороны. Он о чем-то хотел рассказать и не мог.

— Что там? — трепал его за рукав Куклин. — Послушай, что там, а? Газы, да?..

Присев на корточки, он видел, как Бор, освещая себе дорогу фонариком, перебрался через наваленные кучи щебня, скрылся в погребке. Запрыгали на стенах прохода тени и блики.

Куклину стало не по себе, когда из подвала донесся обрывистый стон. Он еще немного постоял и, предчувствуя неладное, но не рискуя с одной зажигалкой спуститься в погреб, засеменял через улицу к школе.

Оказавшись в роте, Куклин поднял на ноги всех. Курганов пристегнул пистолет и собрался идти вместе с ним в подвал за Бором, но дверь открылась, и он сам появился на пороге.

Лицо его уже не было бледным, оно было пепельно-серым, сразу состарившимся на десятки лет. Все, кто находился ближе к двери, расступились и пропустили Бора к столу.

Немец шел, склонив голову на грудь, не смея поднять глаза. По его впалым, морщинистым щекам бежали слезы. В приступе отчаяния он заломил руки и простонал:

— Мне стыдно, мой бог, мне стыдно, что я немец! Там... Там фашистские псы брали кровь у детей для своих раненых...

Разорвись в эту минуту над головами саперов бомба, она бы не поразила их с такой силой, с какой их поразили слова Бора.

— Что?! — наконец закричала Надя, отрываясь от стены побледневших бойцов. — Что вы сказали?!

Рано утром разведчики передовых отрядов привели пленного. Тот не успел удрать далеко на подбитой машине. Знаков различия на мундире гитлеровца не было, головного убора — тоже, однако нетрудно было догадаться, что немец — офицер. В классной комнате окна были завешены плащ-палатками, на столе ярко горела гильзовая лампа. За столом сидели Сокольников и Курганов. Надя и Бор — поодаль.

Гитлеровец стоял посередине комнаты, слегка расставив ноги, опустив руки по швам. Документов у него не оказалось. Должно быть, в самую последнюю минуту он выбросил их.

Допрос вел Курганов:

— Кто вы такой?

— Вилли Штрупп.

— А точнее?

— Старший ефрейтор Штрупп.

— А еще точнее?

Гитлеровец, отчаявшись, с повинной в голосе проговорил:

— Техник радиосвязи лейтенант Вилли Штрупп.

— Какого полка и дивизии?

Пленный ответил.

— Какие потери в дивизии и когда получили последнее пополнение?..

Закончив официальную сторону дела, Курганов сказал:

— Вы, Штрупп, убийца!

— Я не убийца! — испуганно выкрикнул пленный. — И только что прибыл из тыловых частей... У меня агранулоцитоз...

Бор вздрогнул: «агранулоцитоз».

— Заболевание крови? — проговорила рядом Надя. Слишком профессионально был произнесен пленным медицинский термин. Бор давно заметил, что большой, указательный и средний пальцы правой руки гитлеровца часто сжимаются, потирают друг друга. Казалось, они по привычке пытаются удержать не то карандаш, не то... скальпель?

Бор встал и встретился с пленным глазами:

— Засучите рукава!

Гитлеровец попятился.

— Ваши руки пахнут кровью и формалином, а на запястьях следы резиновых перчаток. Вы вампир с дипломом врача!

— Нет!.. Нет! — загородился ладонью гитлеровец. — Не-ет! — закричал он с таким отчаянием, что всем стало ясно: Бор прав.

Нарушив звенящую тишину, Бор произнес как приговор:

— Именем всех честных немцев я прошу повесить этого негодяя!..

Уже рассвело, когда Сокольников приказал перенести из погреба на площадь трупы детей и уложить их на простыни. Рота саперов, разведчики и все, кто были на командном пункте батальона, выстроились в нескольких метрах от них.

С площади было видно, как по двум дорогам к селу спускаются танки и «кэ-тюши». Сокольников приподнял голову, снял пилотку и пошёл к мертвым детям, чтобы от имени их обратиться с призывом к бойцам...

Вдруг комиссар покачнулся, закрыл глаза. Из груди Соколькова вырвался стон. Он поднял трупик и прижал его к груди...

Было что-то жуткое в этой картине. Все словно окаменели.

А Сокольников целовал в губы и щеки, в лоб и в глаза маленькое худенькое личико восковой желтизны...

Олегу показалось, что он видит, как седина тусклым пятном расползается от виска к затылку комиссара, и почувствовал, что его руки и ноги одеревенели. Это ощущение мертвенного холода, сковывая все части тела, подступало все ближе и ближе к сердцу. Горло перехватили спазмы, глаза вдруг стали плохо видеть.

Головной танк, вылетев к площади, резко сдал скорость и слишком медленно, так медленно, словно боялся нарушить сон уснувших навек, пошел через площадь. У башни, на которой застыл танкист с приспущенным знаменем, было написано: «За кровь детей наших мы отомстим!»

Прошел второй танк, за ним третий, и лишь тогда Сокольников очнулся от забытья. Он вновь прижался губами к восковому личику девочки и осторожно опустил трупик рядом с другими. Поднимаясь на ноги, комиссар пошатнулся и едва не упал. Надя хотела поддержать его, но он сам взял ее за плечо и притянул к себе. Так они и остались стоять... У нее по щекам катились крупные слезы. Его щеки были сухими.

А танки все шли и шли. На каждом из них — десант автоматчиков. Бойцы, крепче сжимая оружие, молча склоняли головы. За танковой колонной вошли на площадь «катюши», не покрытые брезентом. За ними вступил кавалерийский полк.

Курганов поднял глаза и содрогнулся. Обнаженная голова комиссара была полностью седой.

Тихо, бесшумно на площадь вступила пехота — хозяйка полей, пропахшая порохом, обожженная жаром войны... Люди шли, и каждый клялся мстить и мстить врагу беспощадно, до последней капли крови. До последнего вздоха.